

ПЕРМЯНЕ, ПЕРМЯКИ, ПЕРМИЧЧИ: КТО? ГДЕ? КОГДА? *

П.А. Корчагин, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Дериваты топонима Пермь – пермяки, пермичи, пермяне – во многих научных текстах, к сожалению, употребляются как синонимы, не исторично, без понимания их хронологической и пространственной привязки. Между тем в них сопрягаются смыслы территориальной и религиозной принадлежности, даже административной практики, при этом их этнический смысл применительно к ранним эпохам весьма проблематичен.

Ключевые слова: пермяки, пермичи, пермяне, катойконим, Пермь.

Отчего они называются пермяками,
об этом было много толков.
П.И. Мельников-Печерский

В настоящей статье не будет речи об определении главного и глубинного смысла терминов, вынесенных в заголовок, для чего нужно выяснить этиологию топонима Пермь, а это тема отдельного исследования. Предварительно можно сказать лишь, что слово «пермяк» (пермин, пермитин, пермич и проч.) – «житель задней земли» – по своему буквальному значению мало походит на этноним, однако то, что это катойконим (или нечто другое) ещё требуется доказать. Но, главное, если в языке возникает несколько похожих, но все же различных терминов, производных от основы *Пермь*, то стоит думать, что они имели/имеют различный смысл или оттенки смысла. Иначе зачем нашим предкам было попусту играть в словообразование, перебирать форманты и умножать скорбь, плодя равнозначные пермские деривативы.

Внимание профессиональных историков (хотя и не только их) в основном было приковано к загадочному топониму/эт-

нониму Пермь, а производные от него исследовали, в основном, лингвисты – специалисты в области ономастики, краеведы широкого профиля. Поэтому традиционный историографический очерк будет выглядеть несколько необычно, поскольку в нем будут рассматриваться не столько труды по истории общества, сколько по истории языка. Но все же...

Историография

И.И. Лепехин в «Продолжении дневных записок...» специально дифференциацию пермских катойконимов не рассматривал: «Сей батырек назывался *Перя*; из чего кажется заключать можно, что по крайней мере его семейство называлось *Перяки*; и после оно перешло и к его соседям, а по времени для удобнейшего выговора из *Перяков*, произошли *Пермяки*. Вот в чем состоит сия сказ справедлива она или нет, пусть другие разсуждают; по крайней мере сие я знаю, что *они на*

* Работа выполнена в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

своём языке не зовут себя *Пермяками*, но *Коми Утир*» [17, с. 196]. Таким образом, академик первым зафиксировал ситуацию, как ещё в начале XIX в. предки современных коми-пермяков воспринимали имя *пермяк* по отношению к себе, как нечто внешнее.

П.И. Мельников-Печерский, живший в Перми в 1838–1839 гг., очевидно, был знаком с книгой И.И. Лепехина: «Пермяки называют себя гоми-утир, или коми-утир, то есть камскими людьми. Отчего они называются пермяками, об этом было много толков. В Пермской губернии есть предание, что это имя получили они от богатыря своего Пери, – предание, не имеющее вероятия... Коми-утиры продолжают до сих пор называть себя коми-утирами, а название «пермян» им столько же приличествует, как чеченцам название горец, как дейчерам название немец, и проч. т.п. У них даже нет слов близких к слову *Пермь*, разве только *пырема* – уходить, и *парма* – крест. Поэтому пермяки думают, что мы их зовем пермяками, переводя русское слово “крещеный”» [18, с. 319]. Справедливо критикуя взгляды И.И. Лепехина, автор сбивается, называя пермяков пермянами (тем самым уравнивая значения этих слов), путает слова *парма* (залесенная возвышенность) и *перна* (крест).

Н.А. Рогов в «Материалах для описания быта пермяков» (1858) в целом повторяет утверждения И.И. Лепехина и П.И. Мельникова-Печерского, дополняя и поправляя их: «Так называют себя Пермяки; они не знают, почему страну их называть *Пермью*, а их *Пермяками*. Кажется, имя Коми древнее имени Пермяков и есть первоначальное, которым назывался Финский народ еще во времена давно прошедшие, потому что этим же именем называют себя и Зыряне; а имя стране *Пермь* и от нее народу – *Пермяки*, или обратно, дано уже после, теми Русскими, которым первоначально стала известна эта страна. Она в Соликамском и Чердынском уездах довольно гориста, и всякая гора называется *парма*, в старину, быть может, называлась и *перма*. При виде множества *парм, перм,*

первые посещавшие страну легко могли назвать ее *Пармы, Пермы, Перма, Пермь*, а по ней народ *Пермичи, Пермиитины, Пермяне, Пермяки...* По поводу происхождения слова *Пермь* пишут: «у них (Пермяков) нет слов близких к слову *Пермь*, разве только *пырэма* – уходить и *перма* – крест. По этому Пермяки думают, что мы зовем их Пермяками, переводя Русское слово крещеный. Здесь оба слова приведены ошибочно: *уходить* по-Пермятски *пырны*, *пырэма* же значить *вышло, вышли*; крест по-Пермятски *перна*, а *перма* никакого значения не имеет, если только это не корень слова *парма*, что значить высокая гора. Ни один Пермяк не думает, что, называя его Пермяком, Русские переводят слово крещеный, да и нить к этому основанию, особенно, если припомним, что *Пермяков звали Пермяками, Пермью, Пермянами задолго до обращения их в христианство* (*жирный курсив здесь и далее мой – П.К.*) (См. Отечественные Записки 1840 года, декабрь месяц, смесь, 89 стр.)» [30, с. 45–46]. Если Н.А. Рогову в целом удалось разобраться с ошибками предшественников, то последнее его утверждение вызывает вопросы, особенно потому, что по ссылке (на «Дорожные записки...» П.И. Мельникова-Печерского) подтверждающей информации нет.

В статье *Зыряне* Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1894) читаем: «Зыряне и пермяки долгое время слыли под одним именем *пермян* и *пермичей*, что видно из Епифаниева жития св. Стефана Пермского (в XIV в.) и из многих грамот московского периода... В 1570 годах слово сырьяне, т. е. сысоляне, измененное в З. (по созвучию со словом зырны – теснить), заменяет прежнее слово *пермяне*» [14, с. 725]. Автор статьи посчитал, что в древности коми-зырян называли пермянами, а коми-пермяков – пермичами, но каких-либо доказательств этого не привел.

А.А. Дмитриев в первом выпуске «Пермской старины» (1889) среди другой пермской этнотопонимической номенклатуры рассматривал интересные нас катойконимы: «Обитатели же этой [Перм-

ской] страны в тех же источниках именуется таким образом:

...5. *Пермяне, Пермичи*, как общее название зырян и пермяков, упоминается в том же житии и во многих грамотах Московского периода.

6. *Пермяки* – переделка имени пермян – упоминается в первый раз в списке Двинских земель 1471 г.» [12, с. 52]. Александр Алексеевич, хотя и обобщенно, но верно характеризовал смысл слов *пермяне* и *пермичи*, а приурочил появление слова *пермяки* к 1471 г. только потому, что в его время не была известна Вычегодско-Вымская летопись.

А.Ф. Теплоухов статью 1927 г. посвятил миграциям коми и их отношений с уграми, анализ этиологии и содержания пермских катойконимов в его задачу не входил, поэтому их содержание он рассматривал попутно: «Через 100 лет в 1471 г. мы находим „пермяков” на р. Вашке притоке Мезени — предков зырян удорских, в 1545 г. „пермяки” и печоряне теснят канинских и тиунских самоедов, а в 1611 г. „пермяки” указывают англичанам путь через полуостров Ямал в г. Мангазею (низовья р. Таза). Ясно, что „пермяками” тут названы зыряне. В конце XVIII века в путешествии академика Лепехина об’ячевские зыряне Усть-Сысольск. у. также названы пермяками – называются и теперь (слудские „пермяки” Орлов, у. Вятск. губ.)...»

Жители В. Перми здесь (в *Великопермской уставной наместничьей грамоте 1553 г. – П. К.*) названы, пермичами, пермяками, великопермцами и пермскими, в противоположность Усольцам, т. е. Соликамцам... пермяки и зыряне, занимающие ныне огромное пространство в 5 губерниях — Арханг., Вологод., Вятск., Пермск. и Тобольской, по языку один народ, а прежде даже в назывались одним именем („пермяки”)» [36, с. 4–5].

Известный пермский краевед, пожалуй, был первым, кто уравнивал по значению термины *пермитин* и *чердынец*: «Первая перепись 1596 г. Палицина и Аристова по Осинскому уезду упоминает

многих колонистов, названных по имени, отчеству и фамилии с добавлением пермитин, т. е. *чердынец*... В раздельном акте Строгановых этого года в Припиской части Оханск. у. упоминаются, между прочим, 2 деревни: «Середняя дуброва пермская что пермяки живут» (Доп. к А. И. П 115) и дер. „Пермская” (118) она же „пермятская” (115). В первой – в пределах нынешней Дубровской волости, как, это видно из сопоставления переписи Кайсарова 1623 г. (Дм. IV стр. 179) и Елизарова 1647. (Т.П.У.А.К. II 124) жил в 1623 г. Филинко Иванов сын *Пермитин. т. е. Чердынец*» [36, с. 7, 8].

А.Ф. Теплоухов с досадой резюмировал: «Обычно у нас не дают себе труда разбираться в терминах „пермяки”, „пермяне”, „пермичи” и т.д. и все это считают синонимами, не учитывая, что *каждое из этих понятий относится к определенному времени и территории, при чем, в зависимости от этих последних иногда, как это я покажу в дальнейшем, менялось и значение его*. Так, напр., антрополог Ак. Наук СССР Б.Л. Вишневский пишет – „Основное ядро населения этой провинции (Перми Великой – А. Т.) составляли пермяне-пермичи – финское племя, занимавшее некогда значит. территорию на северо-востоке русской равнины”. Как увидим ниже, пермян, как племени на территории Перми Великой, т.-е. в пределах с.-з. части довоенной Пермской губ. и с.-в. Вятской ни в одном историч. источнике, до сих пор опубликованном, не упоминается, а „пермичи” – термин не этнографический, а территориальный» [35, с. 113] и был во многом прав.

В 1973 г. А. С. Кривошекова-Гантман в книге, которая была посвящена пермской топонимике, практически вскользь упомянула, просто перечислила имена, которые она сочла этнонимами: «Дальнейшая судьба слова Пермь полностью зависела от хода истории... *Возможно, русские с самого начала употребляли это слово как этнопоним, то есть название территории и народа*: Пермь, Пермь Старая, Пермь Вычегодская, Пермь Великая, глаголемая

Чусовая. Возникали и *дифференцированные этнонимы: пермяне, пермины, пермитины, пермяки*» [16, с. 87]. А в «Кратком топонимическом словаре» она добавляла: «По топониму жителей Перми и области называют *пермяками*. В годы Советской власти камских коми стали официально именовать *коми-пермяками*, чтобы не смешивать их с *коми* из Коми АССР, сбросивших после Великой Октябрьской революции чуждый для себя этноним *зырянин*. Просто *пермяками*, без добавления этнонима коми, называют себя зюздинские коми, проживающие в Афанасьевском районе Кировской области» [15, с. 177].

В 1989 г. Б. О. Унбегаун в своей монографии вскользь коснулся интересующей нас темы: «Немногие фамилии с суффиксом *-яков/-аков* образуются от этнических названий, а также от названий жителей какого-либо региона или города на *-як/-ак*. Они составляют относительно поздний и народный тип фамилий даже по сравнению с фамилиями на *-ец*. Некоторые из них обладают параллельными формами на *-ин* или *-ец*, например: ...*Пермяков*<*пермяк*, угро-финское племя *Пермь*; не следует смешивать с др.-русс. *пермитин* ‘житель Перми’» [38, с. 111].

Е.Н. Шумилов в популярной книге под названием «Тимошка Пермитин из деревни Пермяки» обратился к той же фамилии: «**ПЕРМЯКОВ.** Фамилия известна в ряде районов, в том числе в Оханском. В 1623–1624 гг. в оханской деревне Дуброва (ныне Шалмга) жил Тренка Иванов сын Пермитин, а в деревне Пермская Слудка – Филиппко Иванов сын *Пермитии*. Их дети в 1647 г. писались Пермяковыми. **Пермитин, пермяк – прежние наименования коми-пермяков.** В одном из источников прямо указывалось, что в Пермской Слудке жили пермяки» [42, с. 240–241]. Надо сказать, что автор все изрядно запутал. В Пермском крае, действительно, есть две д. Пермяки в Кунгурском и Большесосновском районах, но то, что в какой-то из них когда-то жил Тимофей Пермитин, он не доказал ссылкой на

источник. Как и не доказал, что прежде коми-пермяков именовали пермитинами.

В.А. Никонов в своем известном словаре толковал пермские катойконимы весьма расширительно: «Пермитинов – в основе – именование отца по месту жительства – *пермитин, т. е. из пермской стороны*. Фамилии на *-итин* характерны для Московского государства XV–XVI вв., они образованы от названий родов: Боровитин, Веневитин, Вереитин, Костромитин и др. Сын, соответственно, получал отчество с *-ов*, но так как *-ин* совпадало с окончанием многих отчеств (становившихся и фамилиями), то его нередко принимали за готовое оформление и обходились без *-ов*. (Н). **Пермяк – представитель финно-угорского племени Пермь.** (Э)» [20, с. 89]. Представим читателю самому поискать в источниках племени (именно так) с названием Пермь...

А. Туркин в статье 1995 г. о происхождении названий народа коми писал: «Исключительную научную ценность представляет “Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись”. Она была составлена на основе известных и не дошедших до нас летописей и охватывает события с 1178 по 1619 г. (ВВЛ 257–271; Флоря 1967). В летописи встречаются разные варианты названия народа пермь: *пермские людие* (1212), *пермские люди* (1353), *пермин*, *пермины*, *людьми пермстии*, *пермяне*, *пермяны* (1380), *пермяки* (1383), *перемели* (1472), *пермич* (1491), *пермеки* (1545). **В источниках летописи содержание этих терминов довольно неопределенное.** По всей вероятности, они не относились к какому-нибудь конкретному народу, а просто отмечали жителей Перми или Пермской земли (*Какой именно? – П. К.*), которые в этническом и языковом отношении однородными не были. **Другими словами, термины имели не этническое, а территориальное значение...** Народ коми в те времена также состоял из нескольких отдельных племен или племенных объединений, большинство которых именовалось по рекам. В «Вычегодско-Вымской летописи» и в

жалованной грамоте 1485 г. приводятся двойные названия жителей Перми: «Владыко Питирим привел к святой вере пермяков удоренов на Вашке реке (1444) или «волостные люди пермяки вычегжаны и вымичи и удорены и сысолены и крещенные сиряне Ужговские», а также «перемьки на Пенеге» и «пермяки Луские Пермцы и Вилегоцкие» (1485)» [37, с. 17–18].

Но через страницу он пишет обратное: «В результате распада родового строя и возникновения соседских общин в XVI–XVII вв. исторические источники покинул этноним *пермь*, *пермяне*, *пермичи* и получили распространение территориально-локальные названия *вымичи*, *сысолочи*, *удорцы* и другие, в целом коми народ все чаще называется *зыряне*. В XVII в. этноним *пермь* относится уже только к южным (камским) коми – жителям Перми Великой, т. е. верхнего Прикамья» [37, с. 20].

В словаре И.М. Ганжиной дано объяснение сразу четырех пермских фамилий, причем, весьма путано:

«Перминов, Пермитин, Пермяк, Пермяков

В основе фамилий лежат именованья по прежнему месту жительства: **пермин**, **пермитин**, **пермяк** – житель города Пермь. Наиболее древнее название – **пермитин**; фамилии, оканчивающиеся на – **итинов**, в подавляющем большинстве принадлежат дворянству. Форма **пермяк** – относительно новое образование; оно могло образоваться не только от названия города, но и как обозначение представителя угрофинского племени **пермь**. Прозвища и фамилии отмечены в XVII в.: Михайло Деметьев **Пермитин**, казанский посадский, 1611; несколько казаков и крестьян по прозвищу **Пермяк** жили в Сибири; Гришка **Перминов**, туринский стрелец, 1622; Давидко **Перминов** сын, крестьянин сольвычегодский, 1629; Ивашко **Пермяков**, охотский казак, 1679» [9, с. 363–364].

И.В. Власова в статье 2006 г., посвященной анализу мировоззрения и самосознания севернорусского населения, продемонстрировала свое понимание смысла пермских катойконимов, на наш взгляд, не-

сколько модернизируя этнотерриториальную ситуацию: «Несколько хуже представлена на Севере “пермская” топонимия. В восточных районах Заволочья (позднее в районах коми) есть характерные для нее названия на -юга: Вежаюга – Святая река. В XIV в. Стефан Пермский застал здесь зырян около Устюга, но в то время пермянское население в бассейне Сухоны, Юга, низовьев Лузы растворилось в русской среде, остались отдельные его очаги. На Средней и Верхней Лузе пермяне еще обитали – это так называемая Лузская Пермца. В XIV–XVI вв. топонимы Лузская и Вилегоцкая Пермца еще сохранялись, правда, сама Вилегоцкая Пермца (пермяки) “рассосалась” (была ассимилирована) в XVII в. Пермская вол. на Пинеге, Пермогоры на Двине, Пермас на р. Юг были районами долгого проживания коми; они называли себя пермяками, в отличие от жителей Сысолы – зырян» [8, с. 113]. И.В. Власова (как и многие авторы), к сожалению, допускает анахронизм: креститель Пермской земли не мог застать под Устюгом *зырян*, ибо в его времена такого названия ещё не было, а *пермяки* стало самоназванием некоторых групп коми только в XX в.

Л.В. Бобров специально вопрос о пермянах, пермяках, пермитинах не рассматривал, но использовал в качестве примера при анализе фамилий на – *итин*: «Да, везде и всегда нас ждёт такое написание: **Москвитиным, Чардыниным, Пермитиным**, а не **Москвитином, Чардынином, Пермитином**. Между тем это бывшие прозвища, замешенные на топонимической закваске: **Москвитин** – некто из Москвы, **Чардынин (Чердынин)** – из Чердыни, **Пермитин** – из Перми.

Нельзя забывать: пришелец из Москвы встарь именовался не только москвичом или москвитянином, но и **москвитинном**, из Перми – не только пермяком или пермином, но и **пермитином**, из Чердыни – не только чердынцем, но и **чердынином**» [6, с. 88–89].

Ниже она пишет при разборе казуса с полным именем первопечатника Ивана Федорова сына Москвитина: «Неужели

Фёдоров – и впрямь фамилия? Тогда Москвитин – всего лишь прозвище выходца из Москвы? Сравним: житель Волхова – по-старинному болховитин, Венёва – венеvitин, Перми – пермитин (или пермяк), Твери — тверитин (тверитянин, тверич, тверяк). А Москвы – не только москвич или москвитянин, но и москвитин. Кстати, сподвижником Ивана Фёдорова Москвитина был Пётр Тимофеев Мстиславец (из Мстиславля)» [6, с. 278].

Таким образом, Л.В. Бобров настаивает, что само слово *пермитин* (от себя добавим и *пермяк* тоже) является производным от астионима *Пермь*, но Егошихинский завод получил имя Пермь только в 1781 г.

В «Словаре лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» Е.Н. Поляковой (2010) есть четыре интересующих нас статьи:

«**ПЕРМИН**, м. *Коми-зырянин*. Житель Чусовского городка Киприянко Константинов сын пермин двинянин (Е. 96), 1647.

ПЕРМИТИН, м. *Житель Перми Великой (Чердынской земли) любой национальности*. Про то место спрашивали пермитина Кодаула (ЖС, 106. 1558); Привез отписку пермитин Михайло Могильников (Ш. 1, 234), 1611.

ПЕРМИЧИ, мн. к *пермитин*. Затеяли о том сылвенские остяки с пермичи с усольцы с торговыми людьми (Ш. 2. 49). 1614; Вниз до устья тое Илыча реки пермичи чердынцы оброку... никто не платит (Ш, 2,414), 1639.

ПЕРМЯНКА, ж. *Коми-пермячка, коми-зырянка*. А где ево Онцыфорка или жену ево Епистимицу пермянку устерегут и крестьяном бы их поймать (СПИИ, к. 3. 799)., 1648» [28, с. 21].

В 2012 г. Е.Н. Полякова развила свои взгляды в монографии: «В русском языке развились на основе этнонима новые слова: *пермский, пермин – пермяне, пермяк – пермяки*). От топонима Пермь (Пермь Великая) возникли и другие слова: *пермитин – пермичи. Пермитин* не этноним, это название человека по месту прежнего проживания, ср. *москвитин – москвичи* (жители Москвы), *тверитин – тверичи*

(жители Твери). Впоследствии форма единственного числа изменилась под влиянием множественного (из *москвичи* выросла форма *москвич*). Пермитин в памятниках XVI–XVIII вв. – это житель Перми Великой и ее главного города – Чердыни независимо от его национальности, а формой множественного числа было слово *пермичи*.

Именно из русского языка слова *пермь, пермяк* пришли в язык камских коми, которых русские стали называть *пермяками* (по топониму Пермь) или *коми-пермяками*. Самоназвание этого народа – *коми* ‘люди’» [29, с. 19]. Елена Николаевна в своих работах подвела своеобразный итог многолетних исследований. Её анализ строг и академичен, основан на исторических источниках, но подробнее об этом ниже.

Хотя уже многое сделано, однако до сих пор пермские катойконимы употребляются как синонимы, не исторично, без понимания их хронологической и пространственной привязки. А это не может не сказываться на объективности исторических реконструкций, качестве исторического исследований вообще.

Слово *Пермь* впервые встречается в «Повести временных лет» более 900 лет тому назад, но складывается впечатление, что слово, обозначающее ее население, родилось далеко не сразу. По крайней мере, в летописях XII–XIII в. пермские катойконимы не встречены, а появились они только в 1396 г. в «Слове о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» Епифания Премудрого. Правда, мастер «плетения словес» часто сознательно заменяя этнонимы и катойконимы высокотождественным выражением

Пермские люди/мужичи пермские

Мы специально выбрали все места, где Епифаний использовал эти выражения: «И так было ему угодно поставить не одну церковь, а много, поскольку *новокрещенные пермские люди* жили не в одном месте, но здесь и там, одни ближе, другие дальше...

Божий же раб обратился к *пермским людям* и сказал им: “О братья! Обратитесь, сыновья человеческие, к Богу, Богу-Вседержителю, верою, покаянием, крещением, обращением обратитесь!”...

Потому-то, *мужии пермские*, и братья, и отцы, и дети, послушайте меня, добра вам желающего, веруйте в Господа нашего Иисуса Христа, которого я вам сейчас проповедую...

И еще как-то, спустя несколько дней, собрались наиболее жестокие *пермские мужии*, люди неверующие и множество еще некрещеных...

Люди пермьския посетил еси и святым крещением просветил еси...

Тогда *мужии пермские*, приступив, взяли его и, взяв, передали его Стефану, говоря: “Возьми его и казни”...

После моего ухода пойдите и скажите им, *новокрещеным людям пермским*, и всем ближним и дальним – возвестите им мой слова...

Плачь *пермьских людей*.

Когда же *пермские люди* печалились и горевали о своем епископе... услышано было ушами церкви, Пермской церкви, что епископ ее преставился» [33, с. 145–231].

В преамбуле Вычегодско-Вымской летописи тоже употреблено (всего единожды) выражение *пермские люди*, но этот случай явно связан именно со стефановым крещением: «Благословением владыко Антония вологоцкова и великопермсково се аз Мисаил грешный счини о деяниях на Перме происшедшие от времен пришествия с Руси святово Стефана от поганства идолопоклоннии ко святей вере *пермские люди* приведоша» [13, с. 257].

Позднее словосочетания *пермские люди* и *мужии пермские* вышли из употребления, поскольку существовало и появилось несколько катойконимов, произведенных от слова *Пермь*, которыми определить территориальную и этническую принадлежность людей можно было проще и точнее. И первыми из них были

Пермин – Пермьяне

Епифаний использует формы и единственного и множественного числа: «Во

едину же на десять годину обрете другаи стояща праздны и рече им: “Что сде стоите вес день праздны, *пермяне*, никтоже ли вас не наял?”...

По истине бо “весь день”, рекше, вся дни живота своего и вся лета своя стояша в неверьствии *пермяне*, во идолослужении...

Исперва убо сий Стефан много “зла пострада” от *неверных пермян*, от некрещеных: озлобление, роптание, хухнание, хуление, укороение, уничтожение, досажение, поношение и пакость...

А прочии остаха не крещени. Повсегда же обаче имеяху обычай събиратися вкупе и сходитися в место едино – или *пермяне* к нему, к новопоставленной церкви оной, о ней же прежде рехом, или он – к ним, в етеро место уреченое, на совопрашание и на истязание. Но обаче отнележе церкви его создана бысть, по вся дни прихожаху *пермяне* и некрещении суще...

И паки иногда по неколицех днех некотории от *пермян* суровейшии мужии, невернии человецы, и еще некрещении суще собравшеся мнози...

И тогда собращася *пермяне* вкупе, живуции в стране той, от мала и до велика, и крещении, и не крещении, яко удивлени бывше промеж собою, начаша глаголати к себе: “Слышасте ли, братие, словеса мужа того, иже от Руси пришедшаго? Видесте ли терпение его и преизлишнюю его любовь еже к нам?”...

Тогда восхотеша креститися еже *некрещени пермяне*, и собращася к нему людие мнози, народ: мужии и жены и дети, яко на поучение...

В един же от дний приидоша *пермяне* к нему и вопросиша его, глаголюще: “Молим тя, добрый наш учителю и правоверия наставниче, рцы нам, что ради изгубил еси себе толико богатства – еже предиреченая вся обретаемая в кумирницах наших, – и изволил еси огнем ижежещи паче, нежели себе в казну взяти и в свою си ризницу на потребу свою и сущим ти учеником с тобою, по реченому, „достоин бо есть делатель мзды своеа”...

Имя ему Пан сотник, егоже древле *пермяне некрещении* чтяху паче всех

прочих чаровник, наставника и учителя себе нарицающе его, и глаголаху о нем, яко того вльшвением управлен быти Пермстей земли, и яко того учением утверждается идольская вера, иже оттинуд не верен сый не крещен, присно ненавидя веры христианския и не любя христиан. **Некрещеным убо пермяном** и неверным не веляше веровати и креститися, хотящим же веровати возбраняше и запрещаше, веровавших же и крестившихся развращае. Иже сшед некамо, обрете некия **христианы пермяны, новоученыя и новокрещеныя**, и единаче еще не утвержены суца в святей вере христианстей, начат развращати а и раслабляше их ветхим учением своим, прелестным и суетным, и многими словесы обавными и чаровными покушашеся увещевати...

Не точию от мене мои, мню, глаголи, глаголемии к тебе, но яко сиречь от лица всех **пермян** глаголю ти...

Послали бо его бяху **пермяне** на Москву, глаголюще: “Изиди на взыскание епископа и взиди нам святителя, егоже обрете епископа, возвратися к нам. Приди с ним, ведеи его с собою”...

Преже убо **крещения пермяне не имяху** у себе грамоты и не разумеваху писания, и отинуд не знаяху, что есть книги, но точию у них баснотворцы были, иже басними баяху о бытии и о миротворении, и о Адаме, и о разделении язык...

Хотеша бо **невернии пермяне** многжды поразити тя, напрасно устремлением нападающе на тя, овогда убо с дреколми и с посохи, и ослопы... но Господь Бог, Спас, спасе тя своими судбами, имиже, сам совесть, един избавитель избавил тя есть...

Что тя именую, епископе? Отца ли ты нареку, или казателя **пермяном**, о Христе бо Иусе святым Еваггелием ты **пермяны** породил еси и православия вере научил еси, “сыны дни” явил еси и “чада свету” наказал еси, и святым крещением просветил еси, „водою же и Духом” сынове бо ти ся “родиша” и ныне ражаются...

Тебе и Бог прослави, и аггели похвалиша, и человецы почтиша, и **пермяне** ублажиша, иноплеменницы покоришася, ино-

язычницы устыдешася, погании усрамишася, кумири сокрушишася, беси исчезоша, идоли попрани быша» [33, с. 145–231].

Заметим, что в тексте «Слова...» пермяне всегда «некрещени», «невернии», «убо крещения пермяне не имяху», и никогда иначе.

В Вычегодско-Вымской летописи при описании подвижничества Стефана Пермского (1379–1380) для названия местного населения, ещё не просвещенного светом христианского вероучения, в основном употребляется термин **пермяне**: «Лета 6887 иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде в землю Пермскую на Вычегду на проповедь слова божия среди нечестивые племени **пермян**. Того лета начал Стефан у **пермян** на Пыросе и на Виляде и крести их святей вере.

Лета 6888 приде Стефан на место, глаголемое Усть-вымь и тамо водворися... Бысть же близ того места их, **пермян**, нечестивая кумирница. К ней же **пермяны** часто приходяху места деюще, еже что хочет и почитающе его яко бога... По малу времени един **пермин** поиде помраченные веры отступивша и приде благоразумие и крестьящеся, яко по ним десять мужей. Из дубравы **пермины** придоша и познаша, что сия от них обратишася во святую веру, начаша о том тужити и гневатися на Стефана...

И начаша они, Пан-сотник и с ним **пермяне-идолопоклонници** молити Стефана, дабы господу богу помолился о прозрении, и дары обещающе и посулы и поделия на них полагаша, глаголаху: не гоним тебя отсюда...

Стефан помолився богу, и вси во едином часе прозреша и в радости начаша на том лузе лес сеци и по три дня толиким трудом, множество пришедшим **пермяне**, яко тысящи и боле мужей, секуще и чистиша. Они **пермяне** путятися в той час на берег, раскаяшася, яко много Стефану безмзды зделаша, сами же утруждашеся и начаша о найме сетовать, зело бо встужима и поденное и наятие...

Пермяне паки приступиша и начаша

Стефана молити и прощения просяще и о призрении, обещающе поделая на них полагающе или что угоден... Они же *пермяне* с радостию вси обещавшия по Стефана заповеди делати, и вси в един час прозревши...» [13, с. 258–259].

Наблюдение за употреблением катойконимов в источниках позволяет заметить две закономерности. Население Перми Вычегодской называется по большей части во множественном числе – *пермяне* (в одном случае – *пермяны*). Но в пределах одного абзаца параллельно употреблен, и тоже единожды, оним *пермины*, в единственном числе *пермин*. Очевидно, *пермяне*, *пермяны* и *пермины* суть формы множественного числа от *пермин*.

Под 1380 г. оним *пермяне* употреблен с дополнительной характеристикой – *идолопоклонници*. И это позволяет увязывать интересующий нас катойконим/демоним не только с местом обитания, но и с формой их вероисповедания. И если кому-то подобное отождествление покажется сомнительным, то следует читать летопись дальше, тогда становится заметно, что во все не одно и то же *пермяне* и

Пермяки вычегодские и великопермские

После крещения номинация предков коми резко изменяется.

«Лета 6891 [1383 г.] приде Стефан до митрополита до Москвы для *новокрещеннии пермяки* епискупа просити» [13, с. 259]. После этой даты из Вычегодно-Вымской летописи оним *пермяне* исчезает, а непосредственно под этим годом упоминаются *пермяки* с характерным прилагательным – *новокрещенни*. Таким образом, наше предположение, что *пермяне* – это язычники, а *пермяки* – уже христиане, подтверждается, поскольку четко фиксируется хронологическая граница использования этих терминов.

«Лета 6952 [1444 г.] поставлен бысть в епискупы Пермские епархия архимандрит Питирим Чудова монастыря. Владыко Питерим *привел к святей вере пермяков удоренов* на Вашке реке, игуменов и попов им дал, святей храмы тамо создвиг» ... Лета 6975 [1467 г.] поиде вятча-

ны на вогулечи да с ними *пермяне из Чердыни*, вогулич воевали и князя их Асыку в полон взяли да от Вятки упустили» [13, 261–262; 27, с. 91].

Как можно видеть, в тексте летописи разделение на язычников пермян и православных пермяков прослеживается и после стефанова крещения. В 1444 г. «Питерим привел к святей вере пермяков удоренов», а в 1467 г. на вогуличей вместе с вятчанами ходили язычники «пермяне из Чердыни», окончательное крещение которых было осуществлено только в 1472 г.

«Лета 6979 [1471 г.] ... Того же лета повеле князь великий Иван брату своему Юрью с *устюжаны, галичаны, белозерцы, вычегжаны, пермяки* с ратью коною и судовою *поити на казанцов*. Стоял Юрий под Казаню 5 дней, к городу не приступал, сожидаячи белозерцев и чердынцов, *а чердынцы, убоясь не пошли*, за казанцов задалися» [13, с. 263].

В этой летописной записи два интересных момента. Во-первых, пермяки перечисляются в одном ряду с обитателями Устюга, Галича, Белоозера и Вычегды, и это позволяет обоснованно считать, что:

– устюжаны, галичаны, белозерцы и, похоже, вычегжане пермяками не считались, поскольку поставлены в один перечислительный ряд;

– упоминаемые пермяки — это *жители* Перми Вычегодской. И им противопоставлены жители другой Перми (Великой), которые для необходимого в данном случае отличия поименованы по главному городу – чердынцы.

Заметим также, что поход организовывался не против татар, а против *казанцов*. Автор летописи по каким-то причинам предпочел для определения противника использовать не этноним, а хороним.

«В лето 6991 [1483]. Князь великий Иван Васильевич посла рать на вугулич и на угру, на Обь великую реку. А воеводы великого князя были князь Федор Курбский Чорной да Иван Иванович Салтыков Травин, а с ними устюжане, и вологжане, вычегжане, вымечи, сысоличи, *пермяки*» [27, с. 49, 95, 108, 115, 136].

«Лета 7014 [1506 г.] пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырны разорив, а **пермяков и русаков** вывел и посекал. Князь Василей Ковер на поле води погоню, а иных на судех послав, и они догнашу их в Сылве, заднюю побили» [13, с. 264]. А в 1547 г. «пришедшу ногайские люди на Чердыню, повосты пожгли, а заставу чердынскую **русаков и пермяков** побили» [13, с. 265]. В источнике прямо противопоставлены жившие рядом *пермяки* (коми) и *русаки* (русские) и это разделение произведено не по признаку веры, а по языку. Такое же противоположение фиксируется и в записи 1608 г., когда «повеле государь Василей собрати с *уезду Еренсково* и с **Великие Перми** людей ратных семидесяти и идти им к Москве, а опосля повеле им в сибирские места на югорцев и вогуличей, по тому Анна Игичея с детьми измену норовила супротив **русаков и пермяков**» [13, с. 268–269].

«Лета 7095 [1587 г.] князь великий Феодор повелел взяти в новый городок Тоболск из **вычегоцкие и вымские пермяки** в служилые казаки пять десят и с жоны и с детми, а подможные им от земских по 20 рублей ежелет... Лета 7101 [1593 г.] повеле князь великий Феодор послати **пермяки вычегжаны и вымичи** на Пельнь и на Березов городки строити» [13, с. 267]. Этот летописный отрывок ещё раз подтверждает мнение А. А. Дмитриева, что пермяки подразделялись территориально, пермяками считались обитатели земель и по Вычегде и по Выми.

То же мы находим и в «Жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми Вычегодской на владение реками, озерами и угодиями, которыми владели их деды и отцы». Уже через век после крещения: ««Били мне челом, князю великому Ивану, волостные люди **пермяки Перми Вычегодские земли и места вычегжаны, удорены, сысолены** сотники Алексей Козак, Кироска Устинов,

Сидорка Онкудинов да Сенка Микитин обиды деи великие чинится волостным людем **пермяком** от владыки пермскова и владычни слуги и от межволостных людей, поймают у них ссильно их дедины и отчины... князь великий Иван, пожаловал есми свои волостные люда **пермяки вычегжаны и вымичи и удорены и сысолены и крещеные сиряне Ужговские** землями и угодейными на Вычегде и падуны всея Пермские мест реками и озерами и куреями и прочий угодей, которые были их дедины и отчины по всем по тому, по письму Гаврилову» [13, с. 244].

Итак, в древности пермяками Перми Вычегодской считались совокупно «вычегжаны и вымичи и удорены и сысолены и крещеные сиряне Ужговские». Замеченное под 1471 г. исключение вычегжан из числа пермяков, можно либо считать ошибкой, либо объяснить тем, что подразумевалось русское население Вычегды.

Обитатели отдаленной Перми Великой Чердыни тоже были пермяками, их иногда для различения называли чердынцами, но когда они приняли участие в походе князей Ф. Курбского и И. Салтык-Травина, их записали как пермяков [39, с. 88, 94]. Единство чердынских и вычегодских пермяков подтверждается и событиями 1481 г., когда «прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писати. Писал тое писец луки вычегоцкие, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину, а на Чердыню не писал луки, потому вогульское розорение» [13, с. 263].

Г.И. Перетяткович, исследуя колонизацию Поволжья в XVII-XVIII вв., обнаружил переселенцев с Урала: «Село Мыс-Чалны в описываемое время именуется уже посадом; среди крестьян этого села, кроме людей с известными нам прозвищами, теперь попадают новые люди с прозвищами: “Пермяк” (2 двора), “Новосел”, “Шерстобит” (2 двора)... Так, в монастырской деревне “Середь Тихих гор” **из пятнадцати дворов четыре крестьянина и один захребетник носят прозвище “Пермяк”**» [22, с. 150–151]. Разнообразные

прозвища многих переведенцев указывают также на близкие и отдаленные места, из которых они приходили в Старошешминск, где вербовались в стрелецкую службу. Так, мы находим стрельцов с прозвищами: “Казанец” (7 дворов), “Устюженин” (6 дворов), “Вятченин” (3 двора), “Алаторец” (2 двора), “Курмышенин” (2 дв.), “Пермяк”» [22, с. 158]. «Кроме прозвища “рыболов”, в форме, например такой: “во дворе Афонька Васильев Шульгин с сыном с Гришкою Рыболовом”, встречаются люди с прозвищами “*пермяк*” (2 двора) и “вятчанин”» [22, с. 137].

Заметим, новоиспеченные волжане называли себя – по происхождению – не пермичами, но пермяками, а это означает, что на прежней родине для самоопределения им служил местный, а не московский термин. Об этом смотри ниже.

Однако кроме вычегжан, вымичей, удорен, сысолен и жителей Чердыни были и

Другие пермяки,

которых мы лишь кратко перечислим.

В третьем списке Двинских земель (25 марта 1471 г.) перечислены волости, отходившие к Москве: «А се выписаны волости великого князя Двинские. У Федора у Перфушкова да у Федора у Левонтиева пасынка: на Пинеже Кегрола да Чакола, да *Пермские*, да Мезень, да Выга, да Пинежна, да Немьюга, да Пилии горы... *А что Важка, – то исконное место великого князя Вычегодское – пермяки*; и то деи нынеча ноугородци за собя ж привели» [3, с. 75].

В «Жалованной грамоте ... Ивана III ... жителям Перми Вычегодской» особо отмечается: «А что *пермяки Луские Пермцы и Вилегоцские*, до них сысоленом и ужговцом дела нет, по тому тое *пермяки присуду устюжский*» [13, с. 246].

Среди приложивших руку к тексту Соборного Уложения 1649 г. был загадочный *перемчинин* посацкой человек Марка Климов. К сожалению, этот катойконим, очевидно, вполне понятный современникам, никак не откомментирован, поэтому проще проследить, откуда М. Климов не мог приехать в Москву:

«253, 254. Кайгородской посацкой человек Ивашко Баршов и вместо Соли-Вычегодской посацково человека Еремея Ивлева по его веленью, что он грамоте не умеет, р. п...263, 264, 265, 266. Костромитинин посацкой человек Митка Дмитриев сын Ожегин и вместо *Перемчинина* посацкова человека Марки Климова, да Великосолца посацково человека Ивана Шигкина, да Вологженина посацкого человека Логина Михаилова по их веленью, что оне грамоте не умеют, р. п. 267. Соликамской посацкой человек Олешка Корлишиков р. п... 273. Чердынец Ортюцка Верещагин р. п.».

Таким образом, М. Климов точно не был кайгородцем, соливычегодцем, соликамцем или чердынцем. Некоторая подсказка у нас имеется из-за того, что Марка не умел писать. Весьма похоже, что костромитинин М.Д. Ожегин приложил руку за земляков, по крайней мере, живших в соседних регионах. А стало быть, родину перемчинина стоит поискать недалеко от Вологды, Костромы и Соли Великой (ныне пос. Большие Соли Костромской области). И вряд ли М. Климов происходил из Пермогорья, поскольку «Верхотурская именная книга 1632 года» зафиксировала: «Первушка *Пермогорцов* пашет полдесятины без получети...» [7, с. 319].

Однако в позднем средневековье и в раннее новое время в Русском государстве более известны были катойконимы

Пермичи и Пермитин

А.В. Соловьев в статье о «Слове о полку Игореве» использовал термин *пермичи* как своеобразную иллюстрацию: «Итак, мы считаем, что форма *русичи* (при собирательном «Русь») вполне закономерна для древнерусского языка XII–XIII вв... А с конца XII в. можно найти в летописях образованные от собирательных «Пермь», «Ермола», «Вымь», «Сысола», «Вогула», «Югра», «Мордва» формы множественного числа: *пермичи, ермоличи, вымичи, сысоличи, вогуличи, югричи, мордвичи*. Это интересная параллель, на которую филологи до сих пор не обратили внимания» [34, с. 286].

Правда, А.В. Соловьев в подстрочной ссылке подкрепляет свою мысль не совсем точной цитатой: «"Стефан из Великой Перми, что крещал пермичь" (Новг. IV лет., под 1282 г.)». Здесь ошибка закралась в датировку: в источнике — 1386 г. В летописи под этой датой: «Приездил в Великий Новгород, в великое говение, Стефан владыка Перемьский, из Великой Перми, что крещал Пермичь» [23, с. 94]. Не все в порядке и в тексте А. В. Соловьева. Загадочные *ермоличи* – форма множественного числа от не менее таинственного собирательного «*Ермола*», на самом деле не народ, а трижды купно упоминавшиеся в Вычегодско-Вымской летописи Ермоличи – сыновья кн. Ермолая Вымского.

Для нас, однако, важна только констатация А.В. Соловьевым факта существования в древнерусском языке модели образования катойконимов на *-ич*. И то, что слово '*пермичи*', так же, как и *пермяки*, привязано к моменту крещения Перми Вычегодской. Первое употребление слова *пермичи* именно в Новгородской IV летописи наводит на мысль, что сама эта форма, очевидно, северорусского, новгородского происхождения.

Понаблюдаем за словоупотреблением древних. Согласно Новгородской II летописи: «Сеи же первый Пермьский епископ той же крести *Пермич* и идолы их съкруши...» [27, с. 129]. В Симеоновской летописи описаны события 1472 г. в связи с ратью кн. Ф. Пестрого: «Князю Феодору не дошедшу еще городка Искора, и сретоша его *Пермичи* на Колве ратью, и бысть им бои межи себе» [25, с. 241]. В Московском летописном своде противники кн. Федора названы чуть иначе: «...и сретоша его *Пермечи* на Колве ратью, и бысть им бои меж себя» [26, с. 297].

В «Жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми Вычегодской на владение реками, озерами и угодиями, которыми владели их деды и отцы» от 1485 г. читаем: «Се земли, которые писаны за вымичи и за висерцы волостные люди аз князь великий Иван пожаловал *пермичем* по тому по всем, по

писму Гаврилову, опрочь владычных вод» [13, с. 244]. Заметим, что это единственное употребление слова *пермичи* в этой грамоте, в остальных случаях употребляется форма *пермяки*. Похоже, что столичный дьяк, копируя текст переписи И. Гаврилова, сбился и написал его на московский манер.

«Лета 6999 [1491] *послав князь Иван* немца Имнуила Иллариева да с ним детей боярских... а делавцов с ними, кому руду делати, устюжцов 60, двинцов 100, пенежан 80, а с вычегжан и вымич и сысолич и *чердынцев* 100, а тем проводити на судех до места, руду не делати, а ужена давати. А на ужена *князь великий пожаловал пермичов* тони на устье Печоры-реки от Болванские до Пустозерские» [13, с. 264].

Послание митрополита Московского и всея Руси Симона от 22 августа 1501 г. великокняжескому наместнику Великой Перми, всем мирянам и духовенству с предписанием строго соблюдать христианскую обрядность, не поклоняться языческому идолу Войпелю: «Благословение Симона Митрополита всея Руси... в Великую Пермь, сына моего, Великого Князя, слуге князю Матфею Михайловичю Пермьскому да *и всем Пермичем*, болшим людем и меншим, мужем и женам, юношам и младенцем, всем православным христианом, новопросвещенным Господним людем всея области Пермьския земли» [1, с. 168].

В 1545 г. под Казань «Внучко Львов с *Пермичи* к великого князя воеводам не поспел; а пришел в судех опосле и Казанские люди его побили и самого убили» [24, с. 446].

В Великопермской уставной наместничьей грамоте от 26 декабря 1553 г. жители Перми Великой безотносительно национальной принадлежности попеременно называются *пермичи* (21 раз), *пермяки* (4), *великопермцы* (1), а в единственном числе *пермитин* (5), *пермяк* (1) и *великопермец* (1) [32, с. 304–311].

В «Жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Григорию Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах

на пустые места по реке Каме» от 4 апреля 1558 г. семь раз встречается множественное число – *пермичи*, а явный язычник Кодаул, отвозивший дань в Москву и служивший свидетелем правдивости слов Строгановых о пустоте прикамских земель, дважды назван *пермитиным* и единожды – *пермяком* [19, с. 332–334].

20 февраля 1563 г. после взятия Полоцка Иван IV отпустил на родину «ротмистров Малхера Холмьсково, Албрехта Верхлинского, Яна Вяршевского со всеми их с товарищи с Ляхи», велел выдать им пропускную грамоту, в которой перечислялись все русские воинские соединения «да и *Пермичи* и Вятчане, и нашей вотчины Вифлянские земли мызники и Немцы и Латыши и Чюхны, и все наши воинские люди», которые должны были пропустить побежденных «безо всякие зацепки и без обиды и без задержания...» [24, с. 363–364].

В 1563 г. в Лифляндии собирались «Татарове служилые и головы казачьи и все казаки, да и *Пермичи* и Вятчане, и нашей вотчины Вифлянские земли мызники и Немцы и Латыши и Чюхны, и все наши воинские люди...» [24, с. 364].

В «Жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Якову Строганову о финансовых, судебных и торговых льготах на соленой промысел по реке Чусовой» от 25 марта 1568 г. жители Перми Великой называются 6 раз исключительно *пермичами* [19, с. 335, 337]. В «Грамоте царя Ивана Васильевича в слободку на Каме Якову и Григорию Строгановым о посылке ратных людей для приведения к покорности черемисов и других народов, производивших грабежи по реке Каме», от 6 августа 1572 г. интересующий нас катойконим встречается единожды: «приходили де наши изменники черемиса на Каму, 40 человек, да с ними де остяки и башкирцы и буинцы войной, и побили деи на Каме *пермич* торговых людей и ватащиков 87 человек...» [19, с. 338].

«Лета 7088 [1580] за службы великие государевы *пожаловал князь великий Иван Васильевич пермичем* промышленным и торговым людям торговати в Югре

и в Мангазее и в сибирских городах безпошлинно 10 лет, и таможенные им не платит николико» [13, с. 267].

«Грамота царя Ивана Васильевича на Чусовую Максиму и Никите Строгановым о посылке в Чердынь волжских казаков Ермака Тимофеева с товарищами» от 16 ноября 1582 г. также только раз упоминает пермичей: «...и из тех мест на Пелынского князя зимою на нартах ходить воевать велели есмя тем всем казаком и *пермичам и вятчаном* с своими посланники с Воином с Оничковым да с Ываном с Глуховым...» [19, с. 342–343].

«Наказ князю Петру Горчакову, посланному в Сибирь для устройства тамошних дел и для строения города Пелыма» (декабрь 1592 г.) включает два упоминания: «...Микифора Васильевича Троханиотова. А в Пермь пришед, послать князю Петру детей боярских... А Микифору Васильевичю с товарищи вскинуть на рать на всю на служилые казаки по 5-ти бревен на человека, и на *пермичь*, и на вымичь, и на усольцов по 15-ти бревен или по 10-ти бревен, как будет пригоже... А воеводе Микифору Васильевичю с товарищи, а с ним ратные люди, дети боярские, и атаманы, и казаки, и земские ратные люди: *пермичи*, и вятчане, и вымичи, и усольцы, пойдут по росписи в Сибирь, в Тобольской город...» [19, с. 347, 349].

В 1593 г. из Москвы велено было «*пермичь* плотников взять из Тобольскаго 30 человек пеших, да в новой город со князем Федором с Борятииским послать *пермичь* 20 человек...» [19, с. 360]. «Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними» (1593-1594) поминает «*пермич* 20 человек плотников» [19, с. 360]. По адресатам грамот можно понять, что в обоих случаях имелись в виду чердынцы.

26 июня 1595 г. «Грамота царя Федора Ивановича на Тару воеводе кн. Ф. Елецкому с товарищами о раздаче жалованья служилым людям за взятие Черного городка: «И отпустил он князь Ондрей по тем по

вестям под городок Бориса Доможирова а с ним дву сотников стрелетцких, да 100 человек стрельцов, да Тобольские литвы 60 человек, да казаков Тобольских 40 человек, да Пелымского атамана казачья Казарина Волнина а с ним казаков 10 человек, да *пермиць* ратных людей 15 человек...» [19, с. 366-367]. Грамота царя Федора Ивановича в Верхотурье В. Головину и И. Воейкову о строении города и острога на реке Туре от 15 декабря 1597 г. четырежды упоминает *пермицей*, причем, из контекста ясно, что это жители Чердыни и уезда [19, с. 375–377].

В грамоте царя В. Шуйского в Пермь Великую наместнику и воеводе князю С.Ю. Вяземскому от 18 октября 1607 г., о постройке мостов по сибирской дороге: «... а преже де того те мосты мащивали *Чердынцы и Усольцы и Кайгородцы*, и все посадские люди и волостные крестьяне, и всею Пермскою землею: и ныне тех мостов по тем рекам и речкам *Пермичи* Чердынцы и Усольцы и Кайгородцы, не мостят, а отказывают...» [2, с. 172]. В данном тексте термин *пермичи* использован как обобщающий, это и чердынцы, и усольцы, и кайгородцы, т. е. жители трех районов Перми Великой, позднее ставших уездами.

2 декабря 1607 г. на Пермь Великую послана царская грамота «в Перми ямская гонба гонять, подводы отпускать во всякие отпуски, *Пермичам* по прежнему» [2, с. 176].

Весьма интересен текст царской грамоты в Пермь Великую об устройении Соликамского яма от 11 июля 1606 г.: «Били нам челом *Пермичи* Ивашко Могилников да Михалко Ванков, а сказали: в прошлом де в 91 году... пожаловали их *Пермич*, для Сибирских отпусков, отдали им Пермские денежные доходы... в прошлом деи во 108 году Борис Годунов те все доходы и неведомо каких разводных линии велел сбирати на себя... а Сибирских отпусков с них *Пермич* не сложено ничего... а подмога ямщиком дати *Пермичам* и Вятчаном на лошади и для дворового строенья меж себя по уговору...

...у Соли у Камской ям устроили, охотников с Перми и с Вятки семдесят человек, чтоб *Пермичам посадским людем* и волостным крестьяном в отпусках как бы было перед прежним легче... и *Пермиць* роспросили: мочно ли на том яму у Соли Камской охотников, сверх подможных и прогонных денег, устроити...» [4, с. 176].

Ивашко Могилников – это представитель известной в Чердынском уезде династии крестьян и предпринимателей, в других грамотах названный *пермским старостой*, так что поминаемые в грамоте пермичи – это однозначно жители Чердынского уезда.

В царской грамоте в Пермь Великую о приписке Обвинского и Ильвинского станов к Чердыни по денежными доходам и Сибирским отпускам от 17 декабря 1639 г. писано: «И ныне били нам челом *Пермские Чердынские* старосты, Трифонко Некдюдов, Ивашко Задорин, и во всех *Пермиць* посадских и уездных крестьян место, Чердынского уезду Обвинского и Ильвинского стану на крестьян: в прошлом де во 147 году, по челобитью Ильвинского и Обвинского стану крестьян, прислана наша грамота в Чердынь, к воеводе к Богдану Комынину, а велено тот их стан судом и Сибирскими отпуски от них отписать ко лготному месту, к Соли Камской; а те де Обвинского п Ильвинского стану крестьяне были сошным письмом и Сибирскими отпуски с ними *Пермичи* изстари, как и Пермь во крещенье приведена, и в писцовых книгах Михаила Кайсарова с товарищци они Обвинцы и Ильвинцы сошным письмом приписаны к ним *Пермичам*; а в сошном де писме они перед ними живут в великой лготе, потому что изо многих мест к ним на Обву и на Ильву крестьяне селятся многие, и пашни у них великия, и место теплое, и земли родимья, и хлеб и мед и хмель у них родится по вся годы; а у них де у *Пермиць* место подкаменное, студеное, хлеб не родится, побивает морозь по вся годы, и от наших денежных сборов, и от Сибирских отпусков, и от Сибирских же хлебных запасов, и от новоприбылых

отъезжих служб, и от хлебного недобору, они *Пермичи* обнищали и одолжали великими долги и врознь розбрелись по льготным местам и к ним на Обву и на Илву; и нам бы их пожаловати, велеть того Обвинского и Ильвинского погоста крестьяном в сошном писме, и судом, и Сибирскими отпуски, быти в Чердыни по прежнему. А в Чердынских писцовых книгах Михаила Кайсарова с товарищи, 131 и 132 году, тот Обвинской и Ильвинской погост денежными доходы и Сибирскими отпуски приписан к Чердыни, а не к Соли Камской.— И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Обвинского и Ильвинского стану крестьян с *Чердынцы*, с земским старостою и с посадскими и с уездными людми, велел поставить перед собою с очей на очи и их допросил: все ль они Чердынцы о том нам били челом, чтоб Обвинцом и Ильвинцом быть с ними в тягле по прежнему? да будет посадские и уездные люди учнут бить челом, чтоб Обвинцом и Ильвинцом в тягле быть с ними вместе по прежнему, потому что они изстари тягло с ними тянули, и ты б Обвинцом и Ильвинцом *велел быть с ними Чердынцы* по прежнему» [4, с. 435–436].

Решиться на такое длинное цитирование заставила уникальность текста, поскольку пермичами здесь называют не всех обитателей Перми Великой, а исключительно чердынцев, но не соликамцев и не жителей Обвинского и Ильинского станов.

Итак, термин *пермичи* в источниках встречается весьма часто, причем *преимущественно в летописях центрального происхождения и в правительственных документах или при их цитировании*. Термин упоминается в переписи 1596 г. А. Палицына и Ф. Аристов: «в Очере – рыбу ловят *пермичи* из оброков и хмель берут по тем же речкам по тому же из оброков от Осы вниз Камою до Белые Воложки, а вверх от Осы до речки Ласвы» [11, с. 110–194]. Оно, очевидно, объясняется тем, что район Осы тогда входил в Казанский уезд, и приезжавших на промыслы жителей Перми Великой именовали так, как принято было в офи-

циальных документах. Так что, скорее всего, мы имеем дело с экзонимом.

В источниках катоиконим *пермичи* существует исключительно во множественном числе и, к сожалению, документы не дают однозначного представления о форме единственного числа этого слова, хотя существует подозрение, что это

Пермитин

В заголовке отнюдь не случайно слово *пермитин* поставлено в единственном числе. Дело в том, что в источниках это слово никогда не встречается во множественном числе, хотя в единственном – во множестве. И уже этот факт наводит на определенные размышления, нуждающиеся в проверке источниками.

Согласно переписи 1596 г. А. Палицына и Ф. Аристов «В Казанском уезде, вверх реки Камы с наполные стороны, на Осинском городище Новая Николская слобода, а в ней» жили: «Иван Дмитриев сын Максимов *пермитин*... Михайло Артемьев сын Белявин *пермитин*... Микула Астафьев сын Ножнин – *пермитин*, Василей Григорьев сын *Пермитин*... Василей Павлов сын Пьянков – *пермитин*, Андрей Семенов сын Аристов – *пермитин*, Матвей Софонов сын *Пермитин*, Архип Алексеев сын Дерзак – *пермитин*, Федка Фомин сын Нагаев – *пермитин*» [12, с. 135–140]. В документе указывается весьма различное, но всегда очень конкретное происхождение новопоселенцев – *гайницец, важенин, верхокамец, вычегжанин, вятченин, обвинец, усалец, устюженин* и даже *москвин* – однако ни разу не упоминается *чердынец*. В писцовой книге М. Кайсарова 1623/4 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых наблюдаем ту же картину: «Дер. Нижние Муллы на реке на Каме, а в ней... дв. Аверкийко Афонасьев с. *Пермитин* с детьми с Сенькою да с Еремкою, дв. Пятулька Симонов с. *Пермитин*... Дер. Дуброва на речке на Шенаре а в ней: ... дв. Тренька Иванов с. *Пермитин*... Дер. Пермская, Слудка то ж, на реке на Очере, а в ней: дв. Филиппко Иванов сын *Пермитин*...» [11, с. 110–194] и ни одного чердынца.

И наоборот, в Переписной книге города Соликамска с уездом переписи дьяка Сибирского приказа А. Аникеева (1710) перечисляются «...**чердынец** Яков Степанов сын Елизарьев 24 лет ... Место дворовое пустое Козьмы Игнатьева сына Черепана и детей ево Стахия да Василья **чердынцов** выведены на Кунгур во 156-м году... Место дворовое пустое Прокопья Семенова сына **Чердынца** и детей ево Ивана да Михаила да Харитона выведены на Кунгур во 156-м году... Двор пуст Петра Иванова сына Федулова **чердынца**... Место дворовое пусто Юрья Андреева сына Костина **чердынца** выведены на Кунгур во 156-м году; Место дворовое пусто Ивана Петрова сына Борисовых и сына ево Антона **чердынцов** выведены на Кунгур во 156-м году... Место дворовое пусто Ивана Костянкинова сына **Чердынца** и детей ево... Во дворе Алимпей Пантелеев сын Шишулин 28 лет у него жена Агафья Гарасимова дочь 20 лет уроженец **чердынец** посадской человек в Усолье живет с 701-го году» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1538. ЛЛ. 12, 44об., 45, 55, 55об., 59, 62], но нет ни одного пермитина.

Выходит, что обитатели юга будущего Пермского края и строгановских вотчин предпочитали именовать выходцев из Перми Великой Чердыни по первой части названия города, а соликамцы – по второй.

В Верхотурской именной книге 1632 г. отмечены пятеро Пермитиных: «Да в прошлом во 139-м году прибрано на государеву подгородную десятинную пашню крестьян на лготу... Офонке Яковлеву **Пермитину** пахат полдесятины... В Левкино место Гаева **Пермитина** Останка да Захарка Порядник пахут полдесятины... Савка **Пермитин** з братом с Мишкою пашет десятину без полутрети... Ивашко Иевлев **Пермитин** па[шет полдес]ятины... Дениско Иванов сын **Пермитин** (л. 121 об.) пашет полдесятины...» [7, с. 317–330].

Г. Перетяткович, исследуя итоги колонизации Поволжья в XVII – нач. XVIII в., обращал внимание на места выхода переселенцев: «Среди оброчных крестьян в Рыбной слободе между прочим значится:

“дв. Василий **Пермитин**, оброку платить за полторы рыбы – 40 алтын с полугривною; двор Варлаам Петров **Пермитин**”... В займищах на р. Вятке «Изредка, но встречается, что поселенец своим прозвищем указывает на свое прежнее отечество; так, попадаются “**Пермитин**”, “**Пермин**” и “Двинянин”... Белопашенные казаки, по всей вероятности, набраны были из охочих гулящих людей, которых в это время было довольно на Руси; судя по их прозвищам, они вербовались в разных местах и городах, как ближних, соседних Чалнам, так и самых отдаленных от них. Так, в 1651 году мы здесь встречаемся с дворами: “Елабуженина”, “Сарапульца”, “Лаишевца” (2 двора), “Уржумца”, “Ветлуги”, “Самаренина”, “**Пермитина**”, “Устюженина” (2 двора), “Двинянина” (2 двора), “Ярославца” и “Астраханца”» [22, с. 84, 113, 132–133].

«Выпись с Усольских Писцовых книг письма и меры Михайла Кайсарова... 131 и 132 году» (1623/1624) содержит два фрагмента, позволяющих подтвердить это предположение иным методом: «Варницы ж третьей статьи: ...**Чердынца Богдана Ивановна сына Могильникова**... Да в прошлом, в 122 году, по Государевой... грамоте и по данной дьяка Ивана Митусова Ивану Юрьеву, да Максиму Доценникову, да **Пермитину Ивану Могильникову**, на купленном их месте, что они купили в Перми в Усольском уезде, в Григорове курье... пожню для соленова промыслу...» [41, с. 53]. Заведомые земляки из Чердыни обозначаются разными терминами. Отец И. Могильников – пермитин, а его сын Б.И. Могильников – чердынец.

В поручной десятника Тимофея Евтюгина с товарищами сотнику стрелецкому Климу Шокурову, поручившихся друг по другу в выполнении обязательства жить в стрельцах в городе Табаре, от 21 февраля 1593 г. среди выходцев из Европейской России было трое: «Се яз десятник Тимофей Евтихеев сын, **пермитин**, да его десятка Федор Евсеев сын, по прозвищу Житкой, поморец, да Иван Михайлов сын, ненокшенин, да Левка Степанов сын

Москвитинов, да Андрей Дмитриев сын, галичанин, да Федор Давыдов сын Шалам, устюжанин, да Володимер Калинин сын Рогова, *пермитин*, да Михаило Никитин сын, прозвище Пятко, Опалихин, *пермитин с Покчи*» [19, с. 346]. А 14 июня 1594 г. стрельцы поручились за своего земляка Михалку Тимофеева сына, пермитина [19, с. 362].

Таким образом, наблюдение А.Ф. Теплоухова – «пермитин, т.е. **чердынец**» – вполне подтверждается источниками, если так можно выразиться, статистически. Стоит отметить еще один похожий, но редко встречающийся в документах кайтоконим

Пермитенин.

В Переписной книге Кайгородского уезда Никиты Глебова 1678 г. упоминается трое человек по прозвищу и по фамилии Пермитенин: «Деревня Ошкава на речке на Мелнишном а в ней: ... Двор Ивашка Гаврилов сын (л 29 об) *прозвище Пермитенин* у него сын Степашка у Степашки дети Сенка 10 Гаврилко 3... Двор Алешка Дмитриев сын *Пермитенин* же у него дети Якушко 7 Федка 3 Сенка полутора году у него же пасынок Артюшка 10... Двор Бориско Петров сын *Пермитенин* же у него сын Лаврушка Митка Митка ж меньшей у Лаврушки сын Якушка 10 у Митки большого дети Микишка 6 Якушка 3 у меньшева Митки сын Петрушка 10 недель» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 184. Л. 29–29об.].

В Расходной книге кайгородских целовальников 7122 (1614) г. отмечено, что «апреля в 14 день ехал с Москвы через Вятку в Пермь *пермитенин* Иванко Чепурин и велено ему по подорожной давати подводу с саньми...» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1195. ЛЛ. 39, 43об.–44об.].

Поскольку все *пермитинины*(?), так или иначе, связаны с Кайгородом и уездом XVII в., не будет большой натяжкой считать, что так прозывались жители этой части Перми Великой. В любом случае подобная модель словообразования в русском языке имеет место: *тверитин*, *тверитянин* [5, с. 308–336].

Частные замечания и общие соображения

После историко-генетического и историко-сравнительного анализа пермских катойконимов есть смысл вернуться к «Словарю...» Е.Н. Поляковой, где она предлагала отождествлять пермина и коми-зырянна. Хочется с этим согласиться, однако необходимо учесть два момента. Текст переписной книги П. Елизарова в «Словаре...» процитирован особым образом, отличным от публикации в ТрПУАК: «Дв. Киприянко Константинов сын *Пермин* – Двинянин» [21, с. 96]. Елена Николаевна слова *пермин* и *двинянин* написала со строчной и выпустила тире между ними. Сделала она это вполне сознательно и была права, поскольку её вариант ближе к тексту источника. К сожалению, условия составления словарных статей таковы, что приходится ограничиваться краткой цитатой источника. Но у П. Елизарова также учтены «Дв. Петрушка да Бориско Константиновы дети *Пермины*» [26, с. 96].

Получается, что мы явно имеем дело с тремя сыновьями Константина Пермина и *Пермин* это именно фамилия на *-ин*, а не катойконим, поскольку происхождение младших братьев, живущих ещё нераздельно, не указывается. Петр и Борис Пермины родились в Прикамье, а их старший брат Киприан вместе с отцом пришел в Чусовской Городок с Двины. Поэтому Киприана Пермина и назвали *двинянином*, а А.А. Дмитриев имел все основания поставить тире в публикации 1893 г.

Мнение Е.Н. Поляковой, что пермичи есть множественное число от пермитин, основывается на анализе текста двух грамот. В первой (1614) говорится, что «затеяли о том Сылвинские Остяки с *Пермичи с Усолицы* с торговыми людми, которые к ним ездят торговать на Сылву и корыстуются государевою казною сами» [40, с. 49]. Здесь из контекста понятно, что под пермичами, конечно, следует понимать чердынцев, но цитированная грамота была направлена чердынскому воеводе Л.И. Волкову верхотурским воеводой Б.Л. Зюзиным-Сюдзиновым [31, с. 582], который родился

в Казани и местных пермских реалий не знал, поэтому пользовался казенным московским термином.

Вторая (1639) – царская грамота по челобитью крестьянина д. Серегово Лаврушки Возмищева, который сообщал, что «в Чердынском де уезде, на реке Илыче, выше усть Палги реки, на две версты вниз да устья тое Илыча реки, **Пермичи, Чердынцы посадские люди и уездные крестьяне** ежелет езы бьют и рыбу ловят издавна, а оброку до с той реки в вашу казну никто не платит» [40, с. 414]. О московской манере именовать жителей Северного и Среднего Урала уже писано выше.

Подобные исторические лингвистические казусы показывают, насколько в живом языке зыбки границы смыслового разделения пермских катойконимов, но в самом общем плане можно считать, что:

1. *Пермин – пермяне*. Катойконим, существовавший до конца XIV в., применявшийся для обозначения исключительно язычников. По факту пермяне – это некрещенные предки современных коми-зырян, поскольку в источниках (Житии Стефана Пермского и Вычегодско-Вымской летописи) описываются события, имевшие место на территории современной Коми республики.

2. *Пермяк – пермяки*. Катойконим появился в конце XIV в. и изначально служил для отличения крещеных жителей Перми Вычегодской и Перми Великой от их земляков, «приведенных к святой вере». Под пермяками в широком смысле подразумевались вычегжане, вымичи, удорены, сысолены, чердынцы, жители Лузской и Вилегодской Пермцы и, вероятно, перемеки на Пинеге. Однако позднее объем понятия существенно сузился и пермяками стали называть жителей территории Пермской губернии. В начале XX в. катойконим превратился в этноним: коми-пермяки, язьвинские (коми-язьвинцы) и зюздинские пермяки. В то же время пермяками называют вообще всех жителей г. Перми и Пермского края.

3. *Пермичи* (в источниках не обнаружена формы ед. числа). Это экзоним, поскольку встречается исключительно в общерусских летописях, в правительственных документах или при их цитировании. Так первоначально назывались жители как Перми Великой, так и Перми Вычегодской, независимо от национальной принадлежности.

4. *Пермитин – чердынцы*. Множественное число слова фиксируется источниками с XV в. и употребляется параллельно с общим понятием *пермяки*, а единственное – с сер. XVI в. параллельно с *чердынцем*. Катойконим служил для обозначения жителей Чердыни и Чердынского уезда, употреблялся в официальных документах, которые отражали территориальную идентичность людей, поскольку их происхождение указывалось с их слов: переписных книгах, поручных записях и проч. В XVII в. постепенно превращается в фамилию.

Исследователям будет очень трудно подобрать из уже имеющихся научный ономастический термин, который отражал бы верно смысл терминов *пермяне, пермичи, пермяки*, в которых сопрягаются смыслы территориальной и религиозной принадлежности. Их значение определялось даже административной практикой столичных приказов, но этнический смысл применительно к ранним эпохам весьма проблематичен.

В XIV–XVI вв. в России происходило не просто формирование русского централизованного государства, сам термин *государство* (в политическом, а не во владельческом смысле) стал часто употребляться в документах, исходящих от Ивана III. В сознании его современников, судя по всему, понятие *национальность* (тесно связанное с государственностью) ещё только формировалось, что отражалось в смысловом наполнении названий территориальных групп населения. Язык следовал за жизнью, и исследования в сфере исторической ономастики (*методами исторической науки – П. К.*) позволят прояснить многие вопросы развития общественного сознания наших предков.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1: 1334–1598. – СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. – 551 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2: 1598–1613. – СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. 1841. – 438 с.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. – СПб.: в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 1836. — 548 с.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 3. 1615-1643. — СПб.: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1836. — 496 с.
5. *Ахметова М.В.* Катоиконимы в локальной печати конца XX - начала XXI в. (случай Твери) // *Slovene: International Journal of Slavic Studies*. 2018, Vol. 7. Issue 1, — p. 308–336.
6. *Бобров Л.В.* Расставим точки над Ё. О русском языке. – М.: Алгоритм, 2009. – 288 с.
7. *Верхотурская именная книга 1632 года // Уральская родословная книга: Крестьянские семьи.* – Екатеринбург, 2000. — С. 317–330.
8. *Власова И.В.* К изучению мировоззрения и самосознания севернорусского населения: (по источникам XII–XX вв.) // *Мировоззрение и культура севернорусского населения.* – М., 2006. – С. 102–144.
9. *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. – М.: АСТ, Астрель, 2001. – 672 с.
10. *Дмитриев А.А.* Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой. – Пермь: издание автора, 1889. – 197 с.
11. *Дмитриев А.А.* Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 4: Строгановы и Ермак. – Пермь: издание автора, 1892. – 194 с.
12. *Дмитриев А.А.* Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 8: К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. – Пермь: издание автора, 1900. – 172 с.
13. *Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник.* Вып.4. – Сыктывкар, 1958. – С. 241–252.
14. *Зыряне // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. ХПА (24). Земпер – Имидокислоты. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1894. – 495 с.
15. *Кривощёкова-Гантман А.С.* Краткий топонимический словарь // *Кривощёкова-Гантман А.С.* Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006. – С. 144–192.
16. *Кривощёкова-Гантман А.С.* Откуда эти названия? Топонимика Прикамья. – Пермь: Пермское кн. изд., 1973. – 109 с.
17. *Лепехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Ч. 3. – СПб., 1780. – 537 с.
18. *Мельников П.И.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. Статья третья, 1840 г. // *Мельников П.И.* Полное собрание сочинений. – СПб., 1909. – Т. 7. – С. 533–573.
19. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – Т. 1. – М.; Л., 1937. – С. 346.
20. *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. – М.: Школа-пресс, 1993. – 222 с.
21. *Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии.* Вып. 2. — Пермь, 1893. — С. 87–146.
22. *Перетяткович Г.* Поволжье в 17 и начале 18 века. (Очерки из истории колонизации края). — Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. — 400 с.
23. *Полное собрание русских летописей.* Т. 4. IV. V. Новгородские и Псковские летописи. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. – 380 с.
24. *Полное собрание русских летописей.* – Т. 13. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. Вторая половина. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. – 240 с.
25. *Полное собрание русских летописей.* Т. 18. Летопись Симеоновская. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. – 316 с.
26. *Полное Собрание Русских Летописей.* Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. – М.; Л., 1949. – 464 с.
27. *Полное собрание русских летописей.* – Т. 30. Изд. 2-е. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). — М., 2009. – 272 с.
28. *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI - начала XVIII века: в 2 т. – Пермь: Перм. гос. ун-т. 2010. — Т. 2. П-Я. — 424 с.
29. *Полякова Е.Н.* Старинные названия на карте Перми: монография. – Пермь, 2013. – 103 с.
30. *Рогов Н.* Материалы для описания быта пермяков // *Журнал Министерства внутренних дел.* – 1858. – Ч. XXIX. – Кн. 4. – Отд. III. — С. 45–126.

31. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Т. 7: Жабокритский - Зяловский. – СПб.: Имп. Рус. ист. о-во. 1916. – 588 с.
32. Семенов О.В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Вып. 7: Источник и его интерпретации. – Екатеринбург: Волот, 2008. – С. 295–333.
33. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12: XVI век. – СПб.: Наука, 2003. – 624 с.
34. Соловьев А.В. Русичи и русовичи // Слово о полку Игореве — памятник XII века / Отв. ред. Д.С. Лихачев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 276–299.
35. Теплоухов А.Ф. Пермьяки и зыряне // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. – Пермь, 1926. – С. 113–122.
36. Теплоухов А.Ф. Связь Пермского Края с севером и западом по историческим данным, географическим названиям и фамилиям жителей // Чердынский край. Вып. 2. – Усолье: Издание Общества изучения Чердынского края, 1927. – С. 3–19.
37. Туркин А. Происхождение названий народа коми // *Linguistica Uralica*. 1995. №1(31). – С. 17–18.
38. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М.: Прогресс, 1989. – 440 с.
39. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 128 с.
40. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Второй период: с 1613–1645 гг. / сост. чл. разных учен. о-в, директор нар. училищ Перм. губ. Василий Шишонко; изд. печ. на средства Губ. земства. – Пермь: типография Губернской земской управы, 1882. – 502 с.
41. Шишонко В.Н. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. – Пермь: тип. Губ. правл., 1872. – 177 с.
42. Шумилов Е.Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки: Геогр. назв. и фамилии Перм. края. – Пермь: Кн. изд-во, 1991. – 270 с.

PERMIANS, PERMYAKI, PERMICHİ: WHO? WHERE? WHEN?

P.A. Korchagin

Perm Federal Research Center UB RAS

The derivatives of the Perm toponyms are used in many scientific texts as synonyms, regretfully, without understanding their historic, chronological and spatial reference. Meanwhile, they involve the meanings of territorial and religious affiliation, administrative regulation, moreover, their ethnic meaning in relation to the early eras is rather questionable.

Keywords: Permians, Permyaki, Permichi, katoikonoms, Perm.

Сведения об авторе

Корчагин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН), 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: pakorchagin@gmail.com

Материал поступил в редакцию 03.07.2020 г.